

Дискуссионная трибуна

Китайская модернизация: некоторые подсказки для России

© 2011

А. Ларин

Сопоставление процессов модернизации в Китае и России показывает: ключевым фактором ее успеха является качество власти — она должна обладать высокой степенью дееспособности и при этом быть кровно заинтересованной в глубоком преобразовании общества. Такая заинтересованность возникает, если страна сталкивается с критическими вызовами, угрожающими ее существованию, а правящий класс осознает нераздельность судеб страны и своей собственной. Необходимым условием успеха реформ является также зримое повышение народного благосостояния.

Ключевые слова: модернизация, реформы, авторитарность, политическая воля, политическая ответственность, жизненный уровень, народное благосостояние

Все проекты реформ, появившиеся в СССР/России на рубеже 1980–90-х гг., так или иначе были построены на идеях рынка и многопартийности, пришедших из западных источников*. Это было вполне естественно, поскольку наиболее развитые страны Запада к этому времени далеко обогнали СССР по качеству жизни, по темпам роста, по успехам в области научно-технического прогресса. Запад охотно демонстрировал свои достижения многочисленным представителям советской интеллигенции, посещавшим Западную Европу и США — собственно, это было частью его политики — и те имели возможность воочию убедиться в преимуществах западного образа жизни и изучить в какой-то мере его основы — механизмы рынка и демократии. Успехи далеко не демократической КНР с ее новой стратегией реформ и открытости в то время еще не были столь впечатляющими.

К этому же времени совершили свои модернизационные рывки Тайвань и три других «малых дракона Азии» с тоталитарными или авторитарными режимами, но опыт этих небольших обществ никак не мог перевесить значимость демократической модели,

Ларин Александр Георгиевич, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований Китая, кандидат филологических наук. Тел. 8 (499) 124-08-28. E-mail: larin@ifes-ras.ru
Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-03-95142/тау «Модернизация в России, Китае и на Тайване. Общее и особенное»

подтвердившей свою эффективность не только во многих государствах Запада, ни и в Японии.

Между тем в течение 1990-х и особенно 2000-х гг. поразительное по темпам движение КНР по пути модернизации, инициированное и осуществляемое однопартийной, по сути дела тоталитарной (по мнению ряда экспертов, авторитарной) властью, позволило стране качественно нарастить экономическую мощь и превратиться во вторую сверхдержаву. Однако те гигантские преобразования, которые происходили в Китае, мало интересовали российских реформаторов. Лишь отдельные политики и эксперты-китаеведы из академической среды призывали обратить внимание на китайский опыт, но их голоса не были услышаны нашими творцами реформ. На это имелись свои причины.

Китайское общество очевидным образом резко отличалось от российского (аграрная страна, застарелая перенаселенность, дешевая рабочая сила и т.д.), и китайский опыт выглядел абсолютно неприменимым в российской реальности. С другой стороны, в российской реформаторской среде уже сложились твердые надежды на оздоровительный эффект многопартийности, которая отождествлялась с демократией. Главное же, для основных социальных сил, направлявших ход реформ, всепоглощающим императивом была скорейшая приватизация основных национальных богатств, и пример Китая с его осмотрительной поступью к новым рубежам был им попросту противопоказан.

Изначально развиваясь по существенно разным планам, реформы в России и Китае оказались несопоставимыми по эффективности. За истекшие два десятилетия модернизация в России так и не началась, напротив, в обиход вошло непривычное поначалу слово «демомодернизация». Ни на один из фундаментальных вызовов, стоявших перед нацией, так и не был найден ответ, стратегия развития даже не намечена.

Сегодня вопрос о модернизации по-прежнему стоит в повестке дня, будучи осознан все более значительной частью общества как критический для существования государства. Но теперь общественный интерес к достижениям КНР заметно возрос. Стало привычным явлением сравнение России и Китая в средствах массовой информации. Множество россиян, посетив Поднебесную, особенно если это впервые, спешат поделиться с читателями своими впечатлениями о том, как далеко она ушла вперед от нас в том или ином отношении. В академических дискуссиях, посвященных проблемам модернизации в России, все чаще вспоминают о Китае. Однако систематическое научное изучение двух параллельных процессов обновления усложняется тем обстоятельством, что специалист по одной стране обычно не обладает равноценными знаниями о другой стране. Как показывает опыт, китаеведы обычно лучше знакомы с российской действительностью, чем их коллеги-специалисты по России — с китайской, поскольку китаеведы знакомы с российской жизнью по собственному опыту, а кроме того, изучать Китай из России невозможно, ничего не зная о России. Представления же российских теоретиков модернизации о Китае подчас оказываются приукрашенными, в них отражается потребность человеческого разума в создании для себя некоей высокой мечты, идеала, каковыми в разное время для разных людей служили эдем, коммунистическое общество, а последние десятилетия — образ западной демократии. К настоящему времени мы имеем ряд серьезных исследований компаративного плана, выполненных нашими китаеведами: М.Л. Титаренко¹, Я.М. Бергером², А.В. Виноградовым³, А.В. Островским⁴. Отдельно нужно отметить капитальную монографию В.Ф. Бородича⁵, специально посвященную сопоставлению реформ в двух странах.

Вообще говоря, сопоставление интересующих нас процессов является многоплановой задачей. Можно проводить сравнение тех или иных конкретных сегментов общественного механизма, например: инвестиционное законодательство двух стран, их ин-

вестиционный климат, взаимоотношения государства и бизнеса, кадровая политика, борьба с коррупцией, борьба с «утечкой мозгов», и т.п. Таким образом можно наверняка почерпнуть много полезного, заимствовать те или иные организационные приемы. Это — работа и для страноведов, и для отраслевых специалистов. Можно попытаться проанализировать наиболее глубинные черты модернизации, относящиеся к области теории, с тем чтобы выявить факторы, обеспечивающие ее успех. Заимствовать такие факторы, разумеется, невозможно, но они могут служить аргументами в дискуссиях и способствовать лучшему пониманию наших возможностей и путей нашего развития. Сила этих аргументов — в том, что они берутся из жизни, а не выводятся путем умозрительных рассуждений. На одном из таких факторов мы и хотим сосредоточиться в предлагаемой статье.

Не вдаваясь в тонкости понятия «модернизация», мы ограничимся в рамках данной работы следующим пониманием ее задач: обеспечение конкурентоспособности государства на международной арене; устойчивое повышение уровня благосостояния народных масс — не имея в виду, конечно, периоды международных кризисов; то и другое — на основе развития несырьевых отраслей экономики, посредством вывода страны на передовые рубежи научно-технического прогресса, в том числе путем создания собственных инновационных продуктов.

Как нам представляется, решающим фактором успеха китайской модернизации в период реформ и открытости является характер власти в КНР. Вопрос о характере власти в Китае обладает очевидной актуальностью для современной России, где после демократической волны 1990-х набрала силу этатистская идеология («суверенная демократия») и постоянно возникают дискуссии на тему: является ли условием модернизации России демократия или авторитаризм? Произошедший крен российского общества в сторону крепкой власти — это благо или препятствие для выхода страны из состояния отсталости? Именно в этой связи в первую очередь внимание общественности обращается к Китаю: что нам может подсказать китайский опыт? Ведь в конце концов в настоящее время обе страны при всех различиях между ними находятся в состоянии догоняющего развития, и чем дальше, тем ближе становится Россия к состоянию, уже пройденному Китаем.

(1). Мы полагаем, что залогом успешного проведения модернизации в Китае является сильное государство. Только сильное государство способно направлять ход реформ, осуществлять глубокие преобразования в экономической, социальной и политической сферах, контролировать и направлять деятельность бизнеса в интересах общества, обеспечивать поддержку реформ населением. Конечно, способность руководства КНР управлять ходом реформ имеет свои границы, за пределами которых находятся широко распространившаяся коррупция, непрозрачные формы приватизации с сомнительной пользой для общества в целом, растущий разрыв между полюсами богатства и бедности, накопление социального недовольства, массовые протестные выступления крестьян. Тем не менее, в целом по способности отвечать на возникающие вызовы Китай остается для нас образцом.

Интересно, что из всех свойств китайской государственной машины, определяющих ее высокую модернизационную дееспособность, особое внимание россиян привлекает компетентность правящей элиты, высокое качество работы аппарата управления страной во всех его звеньях. Это свойство, отмеченное многими нашими предпринимателями, поработавшими в Китае, как непривычная для россиян четкость работы чиновников, завидное отсутствие бюрократизма, обращает на себя внимание и теоретиков модернизации, в том числе российских. Размышляя, откуда в однопартийных системах берутся такие достоинства, наши эксперты приходят к выводу: «Успешные авторитарные

режимы отличаются двумя ключевыми чертами — регулярной ротацией руководителей и меритократией (системой, поощряющей карьерный рост по заслугам, а не в силу лояльности или коррупции). Именно так устроена система власти в Китае и, к сожалению, не так — в России»⁶.

Грамотность власти, четкость в постановке задач позволили китайскому государству в полной мере использовать стартовые преимущества Китая: дешевую рабочую силу при наличии огромного внешнего рынка, невысокий уровень социальных притязаний населения, привлекательные для инвесторов потенциальные масштабы внутреннего рынка. Эффективно были использованы и «внешние» преимущества: существование Тайваня с его ценным опытом аграрной реформы, структурных перестроек экономики, индустриализации и усвоения новых информационных технологий; наличие огромной мировой китайской диаспоры — пойдя на сближение с нею в соответствии с принципами политики открытости, лидеры Китая получили возможность использовать в целях модернизации ее инвестиции и предпринимательский опыт. Преимуществом оказалась и возможность наблюдать за гораздо более радикальными и быстрыми политическими и экономическими преобразованиями в СССР/России. Их ход подвергся тщательному анализу и укрепил руководителей Китая в убеждении, что только твердая власть способна перестроить страну на современный лад.

У России на момент начала реформ были свои огромные преимущества перед Китаем: мощный научно-технический потенциал, сосредоточенный, правда, главным образом, в военно-промышленной сфере и нуждавшийся в обновлении, а также высококвалифицированный человеческий капитал, воспроизводившийся благодаря налаженной системе образования. Советскими специалистами (Ю.В. Яременко) была разработана модель перестройки экономики СССР, которая позволила бы подготовить ее к условиям открытости и рынка. Увы, в ходе реформ эти достижения Советского Союза не были востребованы. Наоборот, плоды многолетнего труда и лишений всего народа были бездарно растрачены, экономика и система образования деградировали, и это резко сократило возможность модернизации страны.

Компетентность властной элиты обусловила способность китайского авторитарного режима к совершенствованию его институтов. За годы реформ тоталитарный характер государства заметно смягчился. Появилась определенная свобода слова, стали возникать зачатки гражданского общества. Провозглашаемое и проводимое руководством страны развитие политической демократии подразумевает систематические консультации чиновников с трудящимися, высших инстанций с низшими, что позволяет органам власти полнее учитывать реальную ситуацию и более точно реагировать на требования масс. Будучи на деле в значительной степени формальной и урезанной, система демократических консультаций, тем не менее, играет явно положительную роль, помогая власти корректировать ход реформ. Заметной вехой в деле реформирования самой власти стало введение системы «трех представительств», открывшее дверь в партию для предпринимателей и зафиксировавшее таким образом трансформацию КПК из классовой организации в общенациональную и тем самым способствовавшее укреплению режима, а также сплочению нации.

Что же касается нашей страны, то в СССР государственная власть дискредитировала себя и начала слабеть еще при Н.С. Хрущеве, после отказа от массовых репрессий; утратила большую долю авторитета в период застоя, при Л.И. Брежнев, и при последующих сменах власти становилась все более слабой. Без инструментов принуждения и без экономических стимулов советская власть была обречена.

В новом государстве — Российской Федерации власть оказалась раздерганной по разным ведомствам, структурам и кланам. Отчасти ослабление роли государства носило сознательный характер: упразднив однопартийную диктатуру КПСС, раздав за бесценок огромную часть промышленного потенциала страны и приняв на вооружение догму о необходимости ухода государства из экономики, новая власть разрушила каркас, который плохо ли, хорошо ли скреплял общество и определял его деятельность. Государство лишилось способности регулировать важнейшие процессы в обществе, из-за чего они приобрели полустихийный характер. Коррупция приобрела угрожающие масштабы. Госаппарат оказался не в состоянии — и, по-видимому, не особенно стремился — держать под контролем ни уплату налогов крупными компаниями, ни расходование бюджетных средств, ни соблюдение принятых законов. Единственное, пожалуй, в чем проявляется сила государства — это успешная ликвидация сколько-нибудь значительной оппозиции, достигаемая частично путем ее подавления, а главным образом — посредством закулисных махинаций, а также установление негласного контроля над СМИ.

Вряд ли возможно сегодня однозначно спроектировать конструкцию сильной государственной власти для России. В принципе это может быть и демократическая власть с ее системой сдержек и противовесов, гражданским обществом и свободной прессой; и авторитарный режим, где у руля стоят по государственному мыслящие политики; и, наконец, некий «полуавторитарный» гибрид того и другого наподобие тех, которые возникли в Японии после 1945 г. или в Индии после 1947 г. «Проблема состоит не в антагонизме между авторитаризмом и демократией, а в создании эффективной власти», — отмечает А.В. Виноградов⁷. Однако, если не отбрасывать априори опыт Китая, а также Тайваня (и других новых индустриальных стран) как заведомо не подходящий для нас, придется признать, что по крайней мере на современном этапе реформации авторитарный вариант вполне может быть эффективным. Это тем более убедительно, что Россия по мере утраты своего научно-технического, промышленного и человеческого потенциала все больше начинает походить на Китай 80–90-х, переживавший в тот период начальную стадию догоняющего развития. Или на Тайвань 60–80-х годов, проходивший этап импортозамещения и индустриализации.

В пользу этого варианта говорит, между прочим, и то обстоятельство, что авторитарная тенденция в России получила поддержку масс, и не напрасно: авторитарный строй при всех его издержках и пороках сумел поднять качество жизни широких слоев населения, смягчить разрушительные последствия «лихих» 90-х годов. Неверно, как это делают некоторые эксперты, объяснять такое поведение масс якобы изначально присущими россиянам национальными чертами: «холопством», пассивностью и т.п. Одна из исторических причин проявления этих качеств — коллективная память о репрессиях и подавлении личности в Советском Союзе; вторая — это печальный опыт 90-х, когда государственная власть, пользуясь бессилием народа и укрепляя в нем ощущение бессилия, из года в год демонстрировала полное пренебрежение к нуждам рядового человека (взять ту же приватизацию, массовые невыплаты мизерных зарплат, невыполнение социальных обязательств). Наличие при этом всеобщих выборов и других демократических свобод лишь дискредитировало эти свободы. Патерналистские настроения, в которых ныне упрекают народ, его склонность к «сильной руке» в значительной мере представляют собой реакцию на безвластие 90-х.

(2). Конечно же, авторитарный режим сам по себе может и не быть творцом модернизации, какие бы громкие заявления о реформаторских намерениях от него ни исходили. Китайский авторитаризм таковым является; российский же, более мягкий, эксперты с полным основанием называют «модернизационно недееспособным», «модерниза-

ционно непродуктивным»⁸. Для того, чтобы авторитарный режим смог провести модернизацию, у руля власти должна стоять большая и влиятельная группа руководителей, готовая проявить политическую волю, чтобы совершить эти преобразования. Мало того, она должна быть способна адекватно воспринимать реальность и осознавать необходимость требуемых преобразований и их масштаб. В Китае это условие выполняется, несмотря на соперничество внутри властной элиты или, может быть, благодаря ему; в России — нет. Говоря о необходимости модернизационного рывка в стране, В.Л. Иноземцев отмечает: «Все, однако, проваливается из-за отсутствия политической воли, которая могла бы осуществить такой прорыв»⁹.

В России в итоге приватизации сложился олигархический строй — альянс коррумпированной бюрократии и полукриминального бизнеса, с самого начала оказавшийся неспособным к реализации национальных интересов. Взаимоотношения между двумя составными частями альянса в 1990-е и 2000-е гг. претерпели заметную эволюцию: сначала ведущую роль играл олигархат, позже она перешла к чиновничеству. Была выстроена вертикаль власти. Однако все это мало изменило имманентную неспособность альянса к конструктивной реформаторской работе. Исключение составило повышение жизненных стандартов и некоторое сокращение бедности за счет наращивания экспорта природных ресурсов, прежде всего топливно-энергетического сырья.

В значительной мере новая элита замкнулась на обслуживании собственных интересов, мало чем отличаясь в этом плане от партийно-хозяйственной бюрократии советского времени. Имея фундаментом сырьевой экспорт и освоение бюджетных средств, получая огромные теневые доходы, она в основном удовлетворена сложившимся положением вещей, она не нуждается в модернизации и сопротивляется ей, поскольку модернизация грозит выбить этот фундамент из-под ее ног. А это означает, что модернизация невозможна без серьезных принципиальных изменений, касающихся и сложившейся системы политической власти, и ее социально-экономической основы, без урезания и освященных законом, и полученных в обход закона преимуществ правящей элиты. И это должна сделать сама власть. (Из чего, в свою очередь, следует, что Россию, если она действительно пойдет по пути модернизации, скорее всего, ожидает период серьезной политической борьбы).

В Китае феномен переключения власти на обслуживание собственных интересов за счет общенациональных, по крайней мере на современном этапе, не приобрел такого размаха, как в России. По всей видимости, коррупция и «политико-коммерческие альянсы» и там стали (или становятся) системными явлениями, однако там они не блокируют модернизацию, хотя и тормозят ее. В отличие от России государство в Китае ведет серьезную борьбу с коррупцией, в том числе на высоких этажах власти, что позволяет сдерживать ее рост.

(3). В свою очередь, политическая воля возникает как необходимое условие, чтобы дать адекватный ответ на актуальные вызовы, ставящие под вопрос жизненно важные интересы страны. Именно это мы наблюдаем в почти тоталитарном Китае и не наблюдаем в России — ни в демократической, какой она была в 90-е годы, ни в авторитарной, какой она стала в 2000-х.

Вполне закономерно, что в обеих странах императивом к коренным рыночным преобразованиям послужило острое кризисное положение в экономике: в КНР оно явилось следствием «культурной революции» и уравнилительной экономической политики, навязанной стране Мао Цзэдуном; в России оно возникло в результате постепенной деградации экономики до состояния стагнации. В обеих странах упадок экономики сопровождался политическим кризисом. Однако на этом сходство заканчивается. В настоящее

время лидеров КНР подталкивают к осуществлению модернизации мощные императивы: необходимость обеспечить занятость для огромного населения, сохраняющего все еще значительный ежегодный прирост; дефицит многих важнейших природных ресурсов; экологические проблемы и т.д. Похожие императивы существуют и на Тайване. В России же подобные ресурсные вызовы отсутствуют; экологические проблемы существуют и обостряются, но еще не достигли такой остроты, как в КНР; депопуляция страны при всей ее катастрофической сути пока еще не давит на экономику с такой силой, как перенаселенность в КНР, компенсируясь посредством внешней миграции; а наличие относительно больших запасов углеводородов и других природных богатств позволяет не спешить с модернизацией.

(4). Даже при наличии самых жестких вызовов, объективно толкающих страну к модернизации, необходимо еще одно условие, чтобы правящие круги решились на реформы — это наличие в их сознании представления о нераздельности их собственной судьбы и судьбы всей страны. Потеря перспективы для страны должна восприниматься ими как утрата перспективы для самих себя. Именно такое представление порождает у власть имущих чувство ответственности за будущее страны и вынуждает к реальным действиям в ответ на вызовы, угрожающие стране. Данную ситуацию мы и наблюдаем в Китае. Сверх того, действительно государственный подход руководителей КНР к модернизации проистекает, как нам кажется, из ощущения принадлежности к великой нации с тысячелетней историей и богатейшей культурой, из чувства причастности к поразительному взлету нации в последние десятилетия.

Российской историей и культурой также, безусловно, вполне можно гордиться. Однако на патриотические чувства некоторых групп российской элиты, по-видимому, оказывают охлаждающее влияние созданные ими для себя за рубежом «запасные аэродромы», снижающие у их обладателей желание подвергать себя рискам модернизации. По-видимому, в этих условиях формирование политической воли к осуществлению глубокой модернизации будет формироваться долго, по мере того, как будут таять идущие на экспорт ресурсы и исчерпываться, показывая свою непригодность более легкие, частные, поверхностные реформы, и это будет болезненный процесс.

(5). В авторитарном Китае в стратегию реформ в качестве приоритетной сквозной задачи заложено повышение народного благосостояния — достижение на данном этапе уровня средней зажиточности («сяокан»). Помимо гуманитарных соображений, это обстоятельство обусловлено стремлением обеспечить условия для продолжения модернизации: укрепить социальную стабильность в стране, заручиться благожелательным отношением масс к реформам. Еще одним стимулом служит понимание того факта, что благосостояние масс является необходимой базой для создания человеческого потенциала, без которого реформы обречены на провал.

На практике, как мы уже отмечали, здесь не обходится без издержек и задержек, но в целом рост качества жизни благодаря повышению доходов населения и вследствие улучшения системы социального обеспечения налицо, и этим обеспечивается достаточно высокий уровень поддержки реформ снизу. Вкупе с другими впечатляющими достижениями Китая этот факт вызывает у граждан КНР чувство гордости за свою страну, превращает в подлинно национальную идею цель развития Китая, выведения его в число передовых государств, становится мощным фактором для продвижения модернизации.

Повышение жизненных стандартов было важнейшей задачей, решавшейся в ходе модернизации и на Тайване.

В более демократической России, хотя и провозглашенной «социальным государством», качество жизни масс если и растет, то крайне медленно, в условиях инфляции

почти неощутимо, резко контрастируя с ростом богатства на другом полюсе. Похоже, интерес государства к качеству жизни населения лимитирован сохранением приемлемого уровня социальной стабильности. Как следствие, общество оказывается расколотым, ни о какой живой национальной идее в таких условиях не может быть и речи, и модернизация не может стать общенациональной целью. Она станет таковой лишь в том случае, если народ почувствует на себе ее плоды.

(Отметим в порядке сравнения: средняя продолжительность жизни в России и в Китае в 1985 г. была примерно одинаковой: 67,5 лет. В 2010 г. в России она составила 69 лет, после ряда провалов выйдя на уровень 1970–1975 гг.; Китай же в 2010 г. приблизился к уровню среднеразвитых стран, имея показатель 73,5 лет)¹⁰.

(6) Сознывая свою ответственность за будущее страны, китайские руководители нацеливают реформы на повышение ее конкурентоспособности, на завоевание на мировом рынке нового пространства за пределами массового тиражирования товаров бытового назначения или даже машинотехнических изделий в дешевом варианте. Поэтому они придают первостепенное значение подъему науки и образования, инновационному развитию и не жалеют для этого сил и средств.

В России же на данном направлении наличествуют две тенденции. Ведущая тенденция — это «консервативная модернизация», которая заранее отводит стране вспомогательное место в мировом разделении труда, исходя из того, что претендовать на большее у России нет никаких оснований («производить у себя не «Мерседес», а колесо для «Мерседеса»)¹¹. Вторая тенденция — это робкая попытка организовать инновационный прорыв в научно-технической сфере, невзирая на отсутствие необходимых для этого научно-технических, экономических и социальных условий. В самом деле, в стране нет научных заделов, размыта научная среда, а главное, со стороны бизнеса нет спроса на инновации, поскольку он приспособился извлекать прибыль более простым путем: через установление монопольных цен, экспорт сырьевых ресурсов и дележ средств госбюджета. Управление развитием науки и образования, по всей видимости, подгоняется под задачи первой тенденции, что позволяет экономить бюджетные средства, но ведет к деградации интеллектуального потенциала страны.

Процесс модернизации в Китае протекает между двумя альтернативами: эффективностью и социальной справедливостью, склоняясь в разные периоды в сторону то одной из них, то другой, но в целом продвигаясь вперед. В России не получилось ни того, ни другого. Мы не хотим идеализировать ход реформ в КНР. Углубление приватизации, развитие частной собственности создают все более широкую базу для коррупции, для превалирования личных или корпоративных интересов над общественными в экономической деятельности, для обострения социальных противоречий. Однако успехи Китая, демонстрируемые даже в условиях финансово-экономических кризисов, говорят сами за себя.

Подытоживая сопоставительную характеристику власти в двух странах, мы можем сказать, прибегнув к марксистской терминологии, что сложившиеся в Китае производственные отношения вместе с соответствующей им государственной надстройкой открывают простор для развития производительных сил, тогда как в России производственные отношения и надстроенное над ними государство превратились в препятствие для роста производительных сил, мало того, разрушают их. В Китае власть занимается совершенствованием базиса и государственной надстройки, т.е. самой себя; в России то и другое подлежит кардинальному реформированию. Показательно, что в известном докладе Института современного развития (ИНСОП) «Обретение будущего. Стратегия 2012» необходимая для России модернизация охарактеризо-

вана как «кардинальный разворот — смена социума с ресурсного на инновационный, что соизмеримо со сменой формаций»¹².

Итак, сильная государственная власть в сочетании с политической волей к проведению кардинальных преобразований (включая преобразование самой власти) и особым вниманием к проблемам народного благосостояния и к развитию науки и образования представляются нам решающими факторами для осуществления модернизации. Это — главный китайский урок теоретического плана для России.

Данный вывод подтверждается и примером Тайваня, где экономическая модернизация проводилась в 60–80-х авторитарным (почти тоталитарным) режимом, имевшим мощный стимул к созданию на острове развитой современной экономики: необходимость выстоять в конфронтации с материком и обеспечить лояльность населения.

Мы не утверждаем, что модернизационно дееспособная власть обязана быть авторитарной, как в Китае. Наш вывод подтверждает более осторожное положение, которое Дж. Гэлбрейт сформулировал следующим образом: «В условиях кризиса, когда требуются активные действия, инициатива всегда исходит от государства. Когда заявляют, что его роль должна быть сведена к минимуму, то это идеологический постулат, который лишен научной основы»¹³. Конечно, выглядит чрезвычайно заманчивой картина светлого будущего, когда авторитаризм станет «историческим рудиментом»¹⁴. Однако этому не противоречит мысль о том, что «модернизация требует авторитарного политического обеспечения, а демократизация возможна лишь на завершающем этапе»¹⁵ — тезис, в который легко вписывается китайский вариант модернизации. Вместе с тем, имеет свои резоны и противоположный взгляд: «В наших условиях без политических свобод не будет и полноценной экономической модернизации XXI века. Ибо только давление общества в цивилизованной форме позволит разорвать зловерный симбиоз власти и собственности»¹⁶.

В то же время пример Китая опровергает постулат либерализма о том, что роль государства должна быть сведена к минимуму. «Государство не может брать на себя ответственность за экономический рост — это дело бизнеса. Государство только содействует частной инициативе», — таково мнение крупнейшего российского экономиста, научного руководителя Высшей школы экономики Е.Г. Ясина¹⁷. Но в Китае дело обстоит как раз наоборот. Очевидно, данный тезис либерализма не должен абсолютизироваться: в одних условиях он может быть справедливым, в других — нет.

Опыт Китая отрицает также другой постулат либерализма: что быстрое развитие должно происходить за счет понижения уровня благосостояния населения путем сокращения социальных расходов. «Или экономическое «чудо», или уровень потребления», — считает Я. Паппэ (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН)¹⁸. С его точки зрения, при нынешнем положении в стране «покупать лояльность пенсионеров и бюджетного сектора — недопустимо». Урезание социальных расходов постоянно выдвигается экспертами из либеральных кругов в качестве одного из необходимых условий оздоровления экономики¹⁹. В ходе реформ в Китае жизненный уровень населения, наоборот, повышается, при том что дешевая рабочая сила является, по сути дела, единственным ресурсом для получения средств на модернизацию. В России нет необходимости экономить на социальных расходах: финансирование реформ может быть обеспечено, если пресечь разгул коррупции, вывести из тени нелегальные финансовые потоки, добиться честной уплаты налогов крупными компаниями, остановить утечку капитала за рубеж.

Подкрепляя своим содержанием идею сильного, ответственного и социально ориентированного государства как творца модернизации, опыт Китая, вместе с тем, ни-

чего не дает для понимания того, как нам в нынешних условиях перейти к государству, воплощающему эти принципы. Одно из коренных различий между характером власти в двух странах состоит в том, что в России в ходе реформ, как мы отмечали выше, сформировался правящий класс (или, по крайней мере, мощный слой в его составе), заинтересованный не в модернизации, а в консервации сложившегося уклада. Для этого класса неприемлем целый ряд радикальных требований, выдвигаемых сторонниками реформ. Мы имеем в виду, например, требования, выдвигавшиеся ведущими экономистами — разработчиками «Стратегии-2020»: «разрушить прямую связь власти и бизнеса, создать полноценную конкурентную среду, освободить российский бизнес от коррупционного давления и регулярной дани, собираемой силовыми структурами и бюрократией»²⁰. Согласие с этими требованиями означало бы готовность власти пойти на резкое ограничение собственных привилегий или же готовность одной ее части урезать привилегии другой и, следовательно, острую политическую борьбу между ними. Ни тот, ни другой сценарий не представляются сколько-нибудь реальными. Как же в таком случае продвигать модернизацию?

Это — жизненно важный вопрос для России, но откровений из Китая здесь ждать не приходится. Творцы китайских реформ прежде, чем получить свободу рук, выдержали тяжелую борьбу в политических противниках: сначала — с носителями идеологии уравнилельного коммунизма, а затем — со сторонниками демократических порядков. Но российские реформаторы имеют перед собой противника иного рода: он вырастает из недр нынешнего российского уклада с его имманентными дефектами, и победить его означает для российского правящего класса победить самого себя. В Китае этот противник, в отличие от России, не стал хозяином положения, по крайней мере, на данном этапе. В китайском опыте можно найти некоторые полезные приемы борьбы с ним, например, законы, предусматривающие строгие наказания (не обязательно смертную казнь) за коррупционную деятельность. Однако то, что для КНР является способом самоочищения государственного организма — и он с этим в какой-то мере справляется — для России означает коренную ломку данного организма, чему он будет всеми способами сопротивляться. И даже если суровые законы, подобные китайским, будут введены, останется открытым вопрос: а каким образом реально обеспечить выполнение этих законов?

Интересно, как оценивают у нас китайский опыт представители различных политических течений и разных направлений экономической мысли. (Несколько утрируя, можно сказать, что каждый видит то, что ему хочется видеть, и потому реальная польза от созерцания чужих успехов стремится к нулю. Однако на самом деле подобную субъективность проявляют, все-таки, не все)

Глава российских коммунистов Г.А. Зюганов восторженно приветствует успехи Китая как доказательство творческих возможностей социализма, подчеркивает руководящую роль КПК и хочет, чтобы возглавляемый коммунистами Китай служил живым примером того прогресса, который обещает России КПКРФ, если она придет к власти. Однако КПКРФ в своей Программе обещает не социализм с китайской спецификой, а «возрождение советского строя» и на заключительном этапе «доминирование социалистической общественной собственности на основные средства производства»²¹. Поэтому Зюганов предпочитает меньше говорить о рыночном компоненте общественного уклада Китая, но подчеркивает отличие социалистического строя в КНР от многопартийных социал-демократических государств.

Директор Института проблем глобализации государственный М.Г. Делягин отмечает: «Ключевой фактор успеха Китая на пути модернизации — эффективная система

управления, ответственная перед своим народом и сумевшая достичь результатов, свойственных демократии (вплоть до сменяемости лидеров)». Прочие факторы, такие как дешевизна рабочей силы и т.п. сыграли, по его мнению, второстепенную роль. Делягин считает китайскую модель безусловно применимой к российским условиям. Мало того, по его мнению, «не авторитарная, какая-то иная, не «неосталинистская», модернизация при нынешнем уровне разложения российского общества невозможна в принципе»²². (Слово «неосталинизм» он берет в кавычки, употребляя его с оговоркой, что репрессивная сторона сталинского режима должна быть исключена)

Деятели либерального толка не отрицают успехи авторитарного режима в Китае — отрицать их невозможно — но воспринимают их с той или иной дозой скепсиса, демонстрируя при этом разнообразие подходов к проблеме. Так, по мнению Н.В. Загладина, «главным фактором модернизации Китая является не авторитаризм, а способность привлечь американские инвестиции и технологии»²³.

К.Г. Холодковский, признавая успешность китайского авторитарного режима, ставит под сомнение его эффективность в будущем²⁴. Такое сомнение вполне правомерно, однако, никто ведь и не утверждает, что авторитаризм сохранится навсегда.

Известный политик Б.Е. Немцов, как и некоторые другие либеральные деятели, видит основу успеха Китая исключительно в особенностях его стартовой позиции — низких жизненных стандартах населения и т.п., но при этом ухитряется, подавая их в негативном свете с точки зрения социальной справедливости, поставить их в вину китайским властям. Его негодующий пассаж своей оригинальностью заслуживает большой цитаты.

«Очень многие люди, в том числе моя дочка, были уверены, что китайский опыт дает некоторую основу для того, чтобы попытаться провести модернизацию России без демократизации. По этому поводу я провел исследование — в чем причина китайского чуда, почему Китай без изменения политической системы добился таких фантастических успехов... Дело в том, что в Китае нет пенсий. Вообще. Пенсию получают только государственные чиновники, спецслужбы и кадровые военные. Второе. В Китае нет бесплатного образования. Третье. В Китае нет бесплатной медицины. Таким образом, вот такая асоциальная политика коммунистов позволила китайцам держать очень низкие налоги, что, естественно, способствует развитию бизнеса.

Вторая причина успеха Китая — это очень дешевая рабочая сила... Теперь, в чем роль коммунистов и в чем роль режима? Режим нужен китайцам для того, чтобы не было бесплатного образования, чтобы не было пенсий, для того, чтобы китайцы, которые возмущены своим положением, не могли добиться успеха. Китайская власть ценой этих жертвоприношений обеспечивает конкурентоспособность своей страны»²⁵.

Утверждения известного политика, специально изучившего «причину китайского чуда», не могут не вызвать недоумения, поскольку плохо вяжутся с фактами, некоторые из которых мы здесь приведем.

Да, пенсионная система в Китае охватывает меньшую часть населения, однако, не только чиновников, но и большой слой работников городских предприятий, работающих по контракту, средняя месячная пенсия которых, кстати сказать, превышает 1200 юаней (порядка шести тысяч рублей), что при относительной дешевизне товаров для Китая — немало. В деревне постепенно развивается сельское пенсионное страхование на добровольной основе.

В Китае полностью введено бесплатное обязательное обучение в города и на селе, а также доступ к бесплатному среднему профобразованию для детей из малоимущих семей.

В Китае нет бесплатной медицины, но для него задачей номер один является расширение сети медицинского обслуживания, хотя бы и платного, и эта задача постепенно решается. В течение 11-й пятилетки были построены и реконструированы десятки тысяч медучреждений.

Главное же, политика китайских коммунистов состоит не в консервации нищеты, а, наоборот, в ее преодолении, улучшении качества жизни. Рост средней продолжительности жизни в КНР, Россией так и не достигнутый, говорит сам за себя. Упреки Б. Немцова выглядят тем более неуместными, что политика правительства КНР в этом плане разительнo отличается в лучшую сторону от той, которую проводили в 90-х годах либеральные руководители России, в число которых входил и сам Немцов.

Дискуссии среди российских экспертов затрагивают и еще одну сторону китайского опыта, также связанную с характером власти: ее способность обеспечить инновационное развитие. По мнению Е.Г. Ясина, Китай не может быть примером для России по той причине, что эти две страны находятся на разных стадиях развития. Китай, находящийся на стадии индустриального развития, успешно копирует и тиражирует в массовых масштабах передовую иностранную продукцию, но перед Россией стоит другая гигантская задача: «освоение лучших технологий, развитие индустрии инноваций». А «та политическая система, которая сегодня способствует успехам Китая, в то же время препятствует инновациям» (Е.Г. Ясин называет ее «традиционно бюрократической»). Поэтому наш путь — это «модернизация страны, прежде всего, на основе западной культуры»²⁶.

С выводом Ясина не согласен директор Центра исследования постиндустриального общества В.Л. Иноземцев. По его мнению, задачей России на ближайшие годы остается превращение в высокоразвитую индустриальную страну, а поэтому «России есть чему поучиться у Китая, и наша модернизация будет во многом похожа на китайскую»²⁷. Иноземцев считает, что опыт Китая «полезен в плане и индустриальной модернизации, и организации системы управления»²⁸. Действительно, задача обновления промышленной базы, т.е. проведения новой индустриализации, стояла еще перед Советским Союзом в последние десятилетия его существования. А та деградация промышленности, которая произошла в 90-е, сделала невозможным инновационное развитие страны, о котором говорит Е.Г. Ясин, до того, как она пройдет стадию индустриализации. Показателем нынешней ситуации служит превращение России в импортера современной техники из обогнавшего нас Китая.

Что же касается инновационного развития самого Китая, то его способность осваивать зарубежные технологии уже доказана, а для создания собственной инновационной продукции высокого уровня есть все необходимые предпосылки. Наличие рыночной конкуренции на внутреннем рынке, конкуренция за место на внешних рынках, стремление КНР к возвышению как общенациональная задача — все это порождает постоянный запрос на инновации, а руководители страны последовательно направляют большие усилия на организацию и стимулирование инновационной деятельности. Открытость Китая внешнему миру создает широкие возможности для изучения и усвоения иностранного опыта, и Китай активно ими пользуется. В этих условиях появление слоя высококвалифицированных научных кадров, образование научных коллективов, обладающих необходимым опытом и располагающих современными условиями для творческой работы, представляется лишь делом времени²⁹. Для начала хотя бы там, где дело касается военной техники. Да и вообще поставленная китайскими лидерами задача превратить КНР из «всемирной фабрики» в «мировую лабораторию» отнюдь не выглядит утопичной. В отличие от тусклого видения будущей России как производителя колеса от «Мерседеса», о чем мы говорили выше, китайские ученые рассчитывают, что «с точки зрения долго-

срочной перспективы, Китай станет одним из центров технических инноваций и исследований транснациональных компаний»³⁰ — разница налицо.

Кстати сказать, в СССР, вопреки засилью бюрократии, закрытости страны и невосприимчивости плановой экономики к техническим новшествам, в ряде областей мы могли похвастаться достижениями мирового класса. Это были или отрасли чистой науки, где не требовалось ни внедрения, ни дорогого оборудования, а было достаточно творческого энтузиазма. Или же отрасли науки, обслуживающие военную промышленность — а там имела место конкуренция: заочная жестокая конкуренция с потенциальными внешними врагами плюс острое соперничество между самими конструкторами.

К сожалению, в отличие от Китая, перспективы инновационного развития не выглядят светлыми для России, где научно-технические разработки не востребованы экономикой, а наука влачит убогое существование. Даже если Китай, как полагают некоторые российские эксперты, «не сделается мировым лидером с точки зрения инноваций, передовых социальных технологий»³¹, он все равно будет идти впереди нас, представляя собой и в сфере инновационного развития источник опыта, ценного своей схожестью с тем путем, по которому предстоит идти нам, если мы хотим модернизироваться.

«Существует ли у нас необходимость «по-серьезному» учиться у Китая модернизации? — спрашивает В.Л. Иноземцев. И отвечает: — Несомненно. Возникнет ли у российской элиты такое желание? Вряд ли»³².

А это значит, что мы или так и не двинемся вперед, или набивать огромные шишки будем самостоятельно.

1. *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока: Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008; *Титаренко М.Л.* Поучительный опыт для российских реформ // Проблемы теории и практики управления. 2006. № 6. — http://vasilieva.narod.ru/ptp/3_6_00.htm. См. также: *Титаренко М.Л. и др.* Китайские реформы и Россия: [сб.] в 2 т. М., 2000 (Инф. бюл. РАН. Институт Дальнего Востока. № 1)
2. *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая. М., 2009; *Бородич В.Ф.* Проблемы трансформации политических систем России и Китая (конец XX — начало XXI вв.). М., 2008.
3. *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М., 2005.
4. *Островский А.В.* Китайская модель перехода к рыночной экономике М., 2007.
5. *Бородич В.Ф.* Проблемы трансформации политических систем России и Китая (конец XX — начало XXI вв.). М., 2008.
6. *Гонтмахер Е.* Российская модернизация: институциональные ловушки и цивилизационные ориентиры // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 10. С. 5–6. Автор цитирует статью: *Гуриев С., Цывинский О.* Ratio economica: Тот же день календаря // Ведомости 2010. 2 февр. — <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/02/02/224353>.
7. См. выступление А.В. Виноградова (ИДВ РАН) в: Модернизация России в контексте глобализации // МЭиМО. 2010. № 3. С. 95–96.
8. Там же.
9. Там же. 2010. № 2. С. 93.
10. Реформы и продолжительность жизни в России. — <http://www.kaivg.narod.ru/developed.pdf>.
11. Средняя страна // Независимая газ. 2010. 28 дек.
12. Обретение будущего. Стратегия 2012. Конспект / Ин-т современного развития. М., 2011. С. 13. См. также: http://www.insor-russia.ru/files/Finding_of_the_Future%20Summary.pdf С. 13.
13. Критика российских реформ зарубежными и отечественными экономистами. — <http://rusref.virtbox.ru/indexexp.html>.
14. Россия XXI века: образ желаемого завтра / Инс-т соврем. развития. М., 2010. С. 8. См. также: http://www.insor-russia.ru/files/Obraz_gel_zavtra_0.pdf.
15. См. выступление В.В. Сумского в: Модернизация, авторитаризм и демократия // МЭиМО. 2010. № 11. С. 96.

16. См. выступление В.Л. Шейниса // Там же. С. 102.
17. Ясин Е.Г. Перспективы российской экономики: проблемы и факторы роста: К 3-й Международ. Конф. "Модернизация экономики России: итоги и перспективы," 3–4 апр. 2002 г. М. — <http://ecsocman.edu.ru/data/166/654/1219/chap.5.pdf> (опубликовано 17–11–2003).
18. Средняя страна // Независимая газ. 2010. 28 дек.
19. См. например: Разработчики «Стратегии-2020» превращаются в бунтовщиков // Независимая газ. 2011. 1 марта.
20. Там же. На радикальных преобразованиях настаивает и академик Н. Шмелев, говорящий «о принудительных (и не обязательно только налоговых) мерах со стороны государства по отношению к монопольным структурам» с их заведомо высокими прибылями; о криминальном рэкете, который «дополняют рэкет государственный и невероятные масштабы повальной коррупции»; о необходимости устранить небывалую социальную несправедливость: «опасный, болезненный разрыв между доходами беднейшего населения и самых богатых», плоскую шкалу налогообложения при сокращении нерыночных форм социальной поддержки и т.п. См.: Шмелев Н. Модернизация экономики: императивы государственного участия // Свободная мысль. 2010. № 2. С. 18 и далее.
21. Программа КПРФ. См. официальный сайт КПРФ. — <http://kprfr.ru/party/program>.
22. Делягин М. Китайский путь для России: «неосталинизм» // Рус. журн. 2009. 12 дек. — <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Kitajskij-put-dlya-Rossii-neostalinism>.
23. Модернизация, авторитаризм и демократия // МЭиМО. 2010. № 11. С. 98.
24. См. выступление К.Г. Холодковского (ЦЭСПИ ИМЭМО РАН) в: Модернизация, авторитаризм и демократия // МЭиМО. 2010. № 11. С. 99.
25. Немцов. Б. Модернизация по-китайски. — <http://ybelov.livejournal.com/392907.html>.
26. См. например: Ясин Е. Китай — не образец для модернизации России! // Рус. журн. 2009. 21 дек. — <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Kitai-ne-obrazec-...>
27. Иноземцев В. Задача России — превращение в индустриальную страну // Рус. журн. 2009. 22 дек. — <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Zadacha-Rossii-prevraschenie-...>
28. См: Модернизация России в контексте глобализации // МЭиМО. 2010. № 3. С. 112.
29. Обсуждение этого вопроса см. также в передаче с участием Е.Г. Ясина и Я.М. Бергера на радиостанции «Эхо Москвы». — <http://echo.msk.ru/programs/tectonic/654640-echo/>
30. От «китайского производства» к «производству китайцами» // Жэньминь жибао он-лайн. 2011. 4 марта. — <http://russian.people.com.cn/31518/7308344.html>.
31. См: Модернизация России в контексте глобализации // МЭиМО. 2010. № 2. С. 92.
32. Иноземцев В. Modernizatsiya.ru: Учиться у Китая // Ведомости. 2009. 19 окт. — <http://wap.liberal.borda.ru/?1-2-0-00000085-000-0-0-1276676937>.